

Глава 35. Дворцовые распри (16)

Дворец Чистого спокойствия

Стоило Тринадцатому принцу переступить порог, как тяжелые створки дверей за его спиной с глухим стуком захлопнулись.

Му Юаньюн опешил.

«Я что, в разбойничье логово угодил?»

Не успел он опомниться, как впереди вырос Кон Цзяцзы. Тот склонил голову и негромко произнес:

— Тётушка.

Вдовствующая императрица в ответ лишь холодно хмыкнула.

Стоявшие поодаль евнухи, уловив этот жест, тут же двинулись вперед, явно намереваясь скрутить гостей.

Кон Цзяцзы уже приготовился к схватке, но Тринадцатый принц вдруг рывкнул во всё горло:

— Стоять!

Все замерли и воззрились на него.

— Может, вы мне всё-таки объясните, что здесь происходит? — Му Юаньюн перевел озадаченный взгляд на вдовствующую императрицу. — Бабушка?

Вдовствующая императрица, величественно восседавшая в кресле, лишь лениво махнула рукой:

— Чего застыли? Берите их!

Кон Цзяцзы резким движением заблокировал удар локтем одного из нападавших и, отступив на пару шагов, крикнул принцу:

— Ваше высочество, назад!

Му Юаньюн покорно попятился. Он лихорадочно заозирался по сторонам в поисках хоть какого-то оружия, но под руку ничего не попадалось, а Кон Цзяцзы тем временем уже вовсю отбивался от наседавших слуг.

Глухие удары кулаков о плоть заставили принца изрядно занервничать. На лбу у него вздулась вена. Поняв, что дело пахло керосином, он резко развернулся и бросился к выходу.

Однако евнух, только что наседавший на Кон Цзяцзы, мгновенно переключился на беглеца и рванулся наперерез.

Кон Цзяцзы не успевал перехватить нападавшего. В отчаянии он крикнул:

— Му Юаньюн, стой! Не вздумай бежать!

Достигнув дверей, принц резко присел, уклоняясь от подоспевшего слуги, и завопил в ответ:

— Да ты хоть объясни сначала, какого черта здесь творится!

— Это испытание! — Кон Цзяцзы едва успел заблокировать очередного противника. — Не дергайся, они тебя не тронут!

Му Юаньюн бросил быстрый взгляд на лица евнухов, дышащие злобой, ловко увернулся от очередной попытки схватить его и выдохнул на бегу:

— Что-то по их ромам не похоже, что они меня по головке погладить хотят!

Сражаться в одиночку против толпы и без того было несладко, а тут еще и принц метался из стороны в сторону, мешаясь под ногами. Кон Цзяцзы окончательно вышел из себя:

— Да доверься ты мне!

— Черт с тобой...

Му Юаньюн стиснул зубы. Извернувшись, он рыбкой прыгнул вперед, прокатился по полу и точным подсекающим ударом свалил одного из нападавших. Все это он проделал на одном дыхании, с поразительной грацией. Вскочив на ноги рядом с Кон Цзяцзы, он слегка шумно выдохнул:

— Но я все равно ни хрена не понимаю.

Кон Цзяцзы опешил от такой неожиданной прыти. Секундное замешательство едва не стоило

ему пропущенного удара от другого евнуха, но Му Юаньюн вовремя дернул его на себя. Они не удержали равновесия и оба покатались по полу, сплетясь руками и ногами.

Му Юаньюн первым высвободился из объятий, оттолкнул слугу и вскочил на ноги:

— Бабушка! Вы точно ничего не перепутали?!

Вдовствующая императрица вскинула ладонь:

— Довольно. — Она проницательно осмотрела Тринадцатого принца. — Внук мой, скажи-ка мне... откуда у тебя эти навыки? Когда это ты успел обучиться боевым искусствам?

— Чему? — Му Юаньюн растерянно моргнул. — Каким еще искусствам?

Вместо ответа вдовствующая императрица лишь холодно усмехнулась и взмахнула рукавом. Из теней бесшумно вынырнули новые бойцы.

Кон Цзяцзы, тяжело вздохнув, поднялся с колен:

— Тётушка...

Но та сухо отрезала всего два слова:

— Связать их.

Через несколько минут накрепко спеленутый веревками Му Юаньюн уже лежал на полу, глядя в потолок совершенно ошалелым взором.

Вдовствующая императрица неспешно подошла к Кон Цзяцзы:

— Я разочарована в тебе. Три года прошло, и это всё, чем ты можешь похвастаться?

Юноша смиренно опустил голову, не пытаясь оправдываться.

Затем государыня повернулась к Тринадцатому принцу.

Му Юаньюн тут же состряпал самую жалостливую мину, на какую был способен:

— Бабушка...

— Любимый мой внук, — она наклонилась и тонкими пальцами приподняла его за подбородок.
— Раз уж ты сегодня невольно раскрыл нашу тайну, то с этого дня будешь тренироваться вместе с моим племянником.

— Т-тренироваться? — заикаясь, переспросил тот.

Вдовствующая императрица выпрямилась:

— Мой дорогой племянник всё тебе растолкует.

Кон Цзяцзы тихо шепнул принцу на ухо:

— Не бойся. Всё не так страшно, как кажется.

Му Юаньюн лишь безмолвно прикрыл глаза.

После того как его всю ночь безжалостно использовали в качестве тренировочного манекена, принц чувствовал себя так, словно из него выжали все соки.

Ковыляя и поддерживая друг друга, покрытые синяками и ссадинами хозяин и слуга вернулись во дворец Биюань.

— Она всегда над тобой так измывается? — простонал Му Юаньюн, морщась от боли при каждом шаге.

Кон Цзяцзы взглянул на его разукрашенную синяками физиономию. Ему было и жаль беднягу, и одновременно безумно смешно.

— Вовсе это не издевательства. Постигать науки — ради ума, заниматься боевыми искусствами — ради спасения жизни. Тётушка просто хочет вырастить из меня достойного человека.

— Мне и днем в Императорской школе тошно от этих книг, а теперь еще и по ночам кости ломать? — проворчал принц и тут же шикнул от боли: он почувствовал резкую вспышку боли в разбитой губе.

Кон Цзяцзы укоризненно покачал головой.

— Я вообще не хотел впутывать тебя в это. За столько лет мог бы уже изучить твой упрямый характер. Сам ведь полез, прекрасно понимая, чем закончится. Вот теперь и пожинай плоды.

— Да я же просто ворчу, — едва слышно буркнул Му Юаньюн.

Но тут же встрепенулся, принял важный вид и с жаром добавил:

— Подумаешь, пара синяков! Кто не познал горечи лишений, тот не поднимется над толпой. Не переживай, Гуйюань, отныне я буду тебя защищать!

Стоило ему в порыве чувств ударить себя кулаком в грудь, как он согнулся пополам и жалобно заскулил:

— Ой-ёй... Какой же сукин сын мне так по ребрам съездил...

Кон Цзяцзы лишь безмолвно покачал головой.

— Ладно уж, — вздохнул он. — У меня есть отличная мазь. Примем ванну, добавим её в воду, и к утру всё как рукой снимет.

— Что за чудо-средство? Неужто настолько волшебное? — с сомнением прищурился принц.

Позже Кон Цзяцзы достал из системных запасов порошок для [Очищения костного мозга]. Юноши разошлись по своим купальням.

Растянувшись в горячей воде и ощущая, как уходит мышечная усталость, Му Юаньюн блаженно зажмурился:

— И это снадобье тебе вдовствующая императрица пожаловала? Ну и чудеса!

Кон Цзяцзы промолчал, лишь негромко спросил из-за ширмы:

— Ну как? Боль утихла?

— Почти не болит, только зудит немного... И в сон клонит невероятно, — пробормотал принц, чувствуя, как глаза слипаются. — Послушай... как думаешь, неужели бабушка хочет...

Кон Цзяцзы замер, ожидая продолжения мысли, но, не дождавшись, заглянул за ширму. Му Юаньюн уже спал безмятежным сном, уткнувшись подбородком в грудь.

Обреченно вздохнув, юноша бережно вытер его полотенцем, помог одеться и перенес сонного принца на кровать.

Не начини он в последние годы усердно тренироваться, вряд ли сумел бы утащить этого упрянца. С виду тот казался хрупким, но весил прилично.

Му Юаньюн уткнулся лицом в мягкую подушку, уютно завопил и сонно пробормотал:

— М-м-м... Хорошо-то как...

Кон Цзяцзы долго стоял у постели, глядя на это спящее чудо. То, с какой легкостью принц отбрасывал любые тревоги, заставило его самого невольно улыбнуться. На душе стало на удивление спокойно.

«Неужели ты так безоговорочно мне веришь?»

Юноша мягко улыбнулся. Он протянул руку, мимолетным движением коснулся лба Му Юаньюна и тут же отдернул пальцы, будто обжегшись.

«Глупый».

И как только этот простодушный мальчишка умудрился в прошлой жизни взойти на императорский престол?

Вроде бы переродился, познал предательство и смерть, а ведет себя так, словно у него ни забот, ни хлопот. Мальчишка, за которым нужен глаз да глаз.

Так и покати́лась их жизнь: днем — зубрежка в Императорской школе, ночью — побои во дворце Чистого спокойствия.

Му Юаньюн, судя по всему, обладал редким врожденным талантом к боевым искусствам. Начав тренировки намного позже Кон Цзяцзы, он умудрился нагнать его в кратчайшие сроки. К тому же у принца начисто отсутствовала спесь, присущая особам голубых кровей. Всего за пару дней он ухитрился очаровать суровых наставников, так что те во время спаррингов подсознательно щадили его и не прикладывали в полную силу.

В свободное время он то и дело крутился возле вдовствующей императрицы, осыпая её изысканной лестью. Его язык был подвешен на диво хорошо. Даже эта холодная, властная женщина при виде внука невольно теплела.

— Если бы ты перед Его Величеством заискивал хоть в половину так же усердно, как перед бабушкой, — заметил однажды Кон Цзяцзы, — тебе бы давно пожаловали княжеский титул.

— Эта старая черепаха... — фыркнул Му Юаньюн, брезгливо поморщившись, но под предостерегающим взглядом слуги всё же прикусил язык.

Впрочем, Кон Цзяцзы и без лишних слов знал, что вертится на уме у принца: тот считал отца недостойным даже капли уважения.

Юноша подчас терялся в догадках. С одной стороны, принц казался совершенно несносным упрямым, не способным к придворному подлизыванию. С другой — он без труда втерся в доверие к вдовствующей императрице. Строгая правительница теперь частенько говаривала, что среди всей её августейшей родни только из Му Юаньюна может выйти толк.

Но стоило Му Юаньюну оказаться перед императором, как вся его услужливость испарялась без следа. Он умудрялся выводить отца из себя с завидной регулярностью, то и дело нарываясь на громы и молнии. Неудивительно, что ярлык «нелюбимого принца» прирос к нему намертво.

Казалось, он нарочно злил родителя. Стоило ему в очередной раз довести государя до белого каления, как его лицо сияло от счастья ярче, чем если бы ему пожаловали сундук золота.

И плевать ему было, что после таких выходов ему самому доставалось на орехи.

Кон Цзяцзы со временем перестал читать ему нотации. В глубине души он подозревал, что принцу известно гораздо больше, чем тот показывает — и о коварных замыслах вдовствующей императрицы, и о тайных помыслах государя. На людях Му Юаньюн разыгрывал легкомысленного дурачка, но разве мог человек, вернувшийся из чертогов смерти, оставаться невинным младенцем?

Скорее всего, он просто прятался за этой маской, не желая признавать горькую правду.

Дни летели один за другим. Му Юаньюн заметно окреп и раздался в плечах. Благодаря чудодейственным ваннам с порошком для очищения костного мозга его кожа сияла матовым, почти жемчужным блеском. Благородные черты лица в сочетании с безупречным телосложением делали принца настолько привлекательным, что затмевали красоту первейших дворцовых наложниц.

Кон Цзяцзы, порой засматриваясь на юношу, ловил себя на пугающих мыслях. Ему вдруг вспоминался припрятанный в системном багаже наряд [Красного грима].

«Ему бы невероятно пошло это платье...»

А в начале осени по Пурпурному запретному городу разнеслась весть: на девятый день девятой луны Его Величество изволит отправиться на Осеннюю охоту Мулань.

Уже на следующий день был объявлен список тех, кому надлежало сопровождать императора. И имя Тринадцатого принца, к общему удивлению, значилось в первых рядах.

<http://bllate.org/book/18226/1761133>